
Есть Пушкин...
Но другие тоже были.
Мне душу
их поэзия
палит.
Мне плакалось не раз
от книжной пыли
в былом лесу,
где совесть их болит.

И словно мне
сверкала, как беда,
над просекой
Полярная звезда.

Я лес валил,
из духа лил металл...

От книжной пыли
плакать
я мечтал.

Претит мне быть рабом
у робота.
Рука —
не разветвление хобота.
Ведь слон рукой не сделал нос,
хотя и мозг весомый нес.

Я быть умею Божьей
тенью,
жизнь машинальную
ломать.
И праздно
с пушкинскою ленью
вакхическому наслажденью
душой свободно внимать...

И жить,
и мыслить,
и страдать.

Мы русские.
Мы любим что-то... это...
На что-то... это...
рвем в себе поэта.

Еще недавно
нас пленяла домна.
Любовь,
как и она,
была огромна.

Влюблялись мы в подлодки
и ракеты...
Но застревало в глотке

что-то... это...
загадочное,
как стихотворенье:

земная тяга
в неземном паренье.

Девчушки, читайте поэтов,
о с ними не смейте дружить!
В мерцании слов-самоцветов
вам долго, увы, не прожить.

Глупышечка в простеньком платье,
красивая без затей,
зачем тебе это проклятье
покинутых жен и детей?

Над ним гробовая покрывка
висит и висит не страша..
И эта нелепая книжка —и тело его и душа.

Обновляемся
в жизни сверхновой...
Кто в земле,
кто стремится в гранит.
Но и все же
славянское слово
колокольною медью звенит.

Далеко ему до совершенства.
Но оно
и звенит,
и гремит!..
И не будет
иного блаженства,
чем словами
звучащий зенит.

Я дитя,
я играю в игрушки.
Но в руках моих
свет и гроза...
И внутри
колдовской погремушки
плачет камень
и сохнет слеза.

Музе

Ты основа моя
и обнова
и корней
заповеданный свет...
Возвращаю древесное
слово,
нет,

древлянское слово:
— Привет!

Даже прах наш —
и тот при ветвях,
и полета бескрайнего
страх
не смутит наши корни
в земле...
Наши мысли
пылают во мгле.

Не заново учусь я говорить.
Я слово
только-только
открываю.
И если чуткий лист
не так мараю... —
младенец я —
не смей меня корить.

Уж лучше
плод познания
подарить.

Как праотец,
своей душой играя,
к тебе я еду
в дерганом трамвае,
с улыбкой Будды
полузамирая...

И чувствую,
и думаю
без края:
ребро мое
не пере-
сотворить.

Есть и хлеб,
и семья,
и жилище...
И друзьями
острей дорожу.
Так зачем
первобытно и нище
я с тибетской собакой
дружу?

В прошлых жизнях
я не был китайцем,
но в завещанный Музой
язык
с придыханием
гималайским
— чау-чау! —

вплетается крик.

Странный я,
но не брежу Итакой,
я в ином
сумасшедшем бреду:
в синем свете
с лохматой собакой
по глубокому снегу
бреду.

И собака меня
не бросает,
чтобы воздух кормящий
жевал.
И воздушную руку кусает,
чтобы я
оживал,
оживал.

Пустыня чувств
в барханах зыбких
и впереди —
не Моисей...
И позади
мессии в зыбках...
и звук скрестившихся
мечей.

Чтоб ожила
моя пустыня
моей любовью и судьбой,
дано
от веку и доныне
идти мне
только за собой.

Слово — у Бога...
у человека — язык.

Все остальное
убого,
все остальное —
на миг.

Не журавль
и не синица —
дураку дана
жар-птица...
С ней бы царевать!

Но покой нам только
снится...
Так и тянется десница
перья
вырывать.

Жил я,
как все, греша,
телом я был
весь.

Но заболела душа...
Понял:
она
есть!

Не дрожи за сердце
на замке!
Не приду
с отмычкой в руке.

Воровское
не люблю искусство...

И к тому ж боюсь,
что в сердце
пусто.

Не стремилась
грудь под финку,
грудь искала
идеал...
Полюбил я угрофинку —
угрофинку
в грудь вогнал.

Целовал ей
руки белы
зазывал не в сеновал.
И рассыпчатое тело,
как безумный,
целовал.

И сквозь летние аллеи,
сквозь цветущий наш роман
прелести лица алели
без помады и румян.

Как небесный дар
дарилась...
А когда
нагрелась кровь,
не зажглась,
а испарилась
угрофинская любовь.

И теперь
сквозь память в искрах,
выпадает,

снисходя,
на просторах всесибирских
в виде снега и дождя.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ

I
Я не хватал
стервозных звезд...
Я в Заполярье не замерз.
Сквозь польский гонор
рыл окопы...
Дорылся в Польше
до Европы:
шепнула
через «крев» и «пся»,
что в ней одной —
Европа вся.

Сменил
лопату,
лом,
кайло
на своевольное стило...
И снова стынь...
И юный БАМ
морозно прилипал к губам.

Прекрасен был я,
не был желт...

Был воздух, как земля,
тяжел.

А ныне давит,
как свинец,
и ни ушей,
и ни сердец...
И, как Назым, я не кричу:
— Свинец
расплавить я
хочу!

Лишь тем
на что-нибудь гожусь,
что
чистой юностью
горжусь.

Хотя не я ее придумал,
хотя не я ее продумал.

II
Мы юностью не дорожили,
на идеалы положили
простые чувства...
Плаха Русь! —
разочарованно смеюсь.
А раньше
так душа кричала,

что ей другая
отвечала!

III

Живем
без Бога с Богом
мы.
А как?..
Спросите у тюрьмы.
А у сумы
спрошу я сам,
когда пойду
по небесам.

...Ты зачем влюблялся, как поэт,
в женщину,
которой в жизни
нет!

Если же клянешь
свою судьбу,
у тебя не свет —
лубок во лбу.

Ведь поэт стремится,
сам не свой,
к страсти
идеально-роковой.

И при этой схватке
болевой
у него
в порядке с головой.

МОНОЛОГ ВЕТЕРАНА

I

Я брошенный
старый ребенок...

Что делать
на том рубеже,
когда у детей
безработных
есть дети и внуки уже.

И нету покоя.
И снится,
что все же приходит покой
и наши песочные лица
сметает
недетской рукой.

II

Как пылали наши дни!
Нынче тлеют в думе...
Ты меня похорони
в свадебном костюме.

Он запомнил навсегда

праздник... бор сосновый...
В нем сгорел я, как звезда...
он почти что новый.

Кажется, что только в нем
молод я доньне...
Хватит в домике родном
врать о домовине.

Пусть грядет иная новь,
греет новизною
наша старая любовь —
не спешит в иное.

Износи опять дотла
в бабьей круговерти
платье, что приберегла
ты тайком для смерти.

Мы в снах своих
сине-зеленых
плескались, как рыбы в реке...
До всхлипа в ладонях влюбленных
рука приникала
к руке.

И время, как птица,
летело
над чувством...
над спящим
умом.
И верить хотелось всецело,
что мы
никогда
не умрем.

Я не рос
без домашней любви,
но не рос
одомашненной пташкой.
Я общался
с большими людьми,
но шептался
с травинкой,
букашкой.

Возвращался,
загадочно тих,
и садился с трудом
за учебник.
И страдая,
скрывал от больших,
что от слов отвываю
волшебных.

ОБОРОННЫЕ ВИРШИ

У души моей
кроткое поведение.
Но когда посягают
на ее убеждения,
с болью требует —
сквозь глубину отвращения —
если надо — отпора...
или даже — отмщения.
Заставляет меня
снова стать офицером
и глаза заменяет
стеклянным прицелом.

Утешает,
нажать, заставляя курок:
умирает не мир,
а смертельный мирок.

Что мне внешность!..
мне нужна душа.
Будь ты красавица —
за это
ты не получила б
ни гроша
из казны
богатого поэта.

Да, богат,
от Бога я богат:
травы слышу
и миры иные,
блещут ощущения двойные...
Свету я слуга,
хотя не свят.

Зря меня
от боли берегла...
Все равно,
как в сумеречном храме,
сквозь слезу
привиделись крыла
с хрупкими
обтертыми
краями.

Не говорят
цветы,
кто есть они,
откуда,
не говоришь и ты,
что ты
двойное чудо.

Смогла ты
примирить
обычное с чудесным.
Ты можешь
борщ варить

и вся дышать
небесным.

И время,
и душа
нас приближают
к Богу.
Пройти бы не спеша
щемящую дорогу...